

Невыдуманные истории с Исаакиевской и Моховой

(Публикация Е. В. Хаздан)

— Знаете, сколько я знаю историй? — некоторые я уже даже забыла!

(Из разговора с Е. В. Назаровой)

В Институт на Исаакиевскую в первый раз я пришла в 1959 г. До этого я уже год служила в Театральном институте на Моховой. Он был небольшой, около двухсот студентов, — все друг друга знали. <Когда> я впервые попала на Исаакиевскую, <сразу> поняла, что это особенное место. Хотя и на Моховой был тот же стиль.

...Николай Евгеньевич Серебряков — ректор Театрального на Моховой — спас институт во время войны¹. Он был такой красивый человек с трубкой. Хороший ректор, руководитель курсов, выпустил замечательную карачаево-черкесскую студию. Знал каждого студента института. Его любили, уважали, выдающаяся профессура с ним считалась. Потом вдруг — то ли он недостаточно был идеологически подкован, то ли еще что-то... Его «скинули», когда все «укрупнялось», институт расширялся. Серебрякова уволили, отправили на пенсию. Решили сделать ректором Бердникова² <...> Наверху он был очень угоден. Я думаю, что он все-таки понимал, что стоит Исаакиевская, какие там люди. Не хотел с ними расставаться.

...Партия и правительство все время экспериментировали. Было слияние институтов: одного академического, научного, другого — педагогического, в общем, очень хорошего, с великими традициями, но с научной точки зрения *никакого*... Сотрудничество между ними было человеческое, но не официальное.

Самое страшное, что институт на Исаакиевской стал научно-исследовательским отделом Театрального института — самой низкой — третьей категории. С самой низкой зарплатой. У нас были времена, когда аспирантам повысили

¹ Серебряков Николай Евгеньевич (1898–1977) с 1930 г. — доцент кафедры актерского мастерства, с 1941 по 1961 г. — ректор Ленинградского театрального института. О его деятельности в военное время см.: Театральный институт на Моховой в годы войны. Сборник воспоминаний. СПб., 2005. С. 4–5 и др.

² Георгий Петрович Бердников (1915–1996) — литературовед, специалист по истории русской литературы XIX в. Член-корреспондент АН СССР (1974). Был ректором ЛГИТМиК в 1962–1963 гг.

стипендию. Были случаи, когда, например, младший научный сотрудник получал 120 рублей, а руководимый им аспирант — 150. <...>

Бердников правил недолго: женился и уехал в Москву. С этого времени нам ставили ректорами историков. Был Шишкин Виталий Федорович³ — милейший человек, — он ни во что не вникал: писал докторскую диссертацию по марксистско-ленинской эстетике. А проректором по науке был Соболев⁴, преподававший эстетику. Он, так сказать, пытался двинуть в умы наших педагогов и студентов марксистско-ленинскую эстетику. Потом, когда Шишкин защитил свою диссертацию, и захотел уйти, нам поставили Николая Михайловича Волынкина⁵. И вот с приходом Волынкина, и с уходом Шишкина и Соболева, появился Виктор Евгеньевич Гусев.

...Наука в основном базировалась на Исаакиевской. Но требовалось, чтобы и на Моховой ею занимались, проводили конференции. Однажды на Моховой шла конференция на кафедре музыкального воспитания, — где студентов учили вокалу, где ансамбли пели, готовилась музыка к учебным спектаклям. Там преподавали хорошие педагоги, но их научный уровень был совершенно не тот, что на секторе музыки [РИИИ]. Виктор Евгеньевич, как проректор, на этих конференциях должен был присутствовать.

В один из понедельников на Моховой проходила такая конференция. Одновременно на Исаакиевской шло заседание сектора музыки. Почему-то Виктору Евгеньевичу пришло в голову, что надо отменить заседание, и всем сектором поехать на конференцию по музыкальному воспитанию студентов.

Заведовал кафедрой на Моховой Александр Павлович Утешев... Он был человеком очень образованным, знающим, авторитетным в композиторской среде, но диссертации не написал, и очень снисходительно относился к научному уровню на своей кафедре. Он говорил: я сам не защищенный.

Короче говоря, Виктор Евгеньевич потребовал, чтобы все отправились на Моховую. Все были раздосадованы: никто не понимал, зачем это нужно. Гозенпуд⁶ взял свой портфель, который всегда был больше, чем сам Гозенпуд. Все срываются с Исаакиевской, едут на Моховую. Такси тогда, правда, дешево очень стоили: взяли группами такси и поехали. Гозенпуд, Сохор, Орлов, Раабен, Валерий Смирнов, — еще кто-то....

³ Шишкин Виталий Федорович — доктор исторических наук, профессор, был ректором ЛГИТМиК с 1963 по 1970 г.

⁴ Соболев Петр Васильевич — доктор философских наук, в 1964–1969 — проректор по научной работе. В дальнейшем работал в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена.

⁵ Волынкин Николай Михайлович (1919–1990) — кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры России, с 1970 по 1985 г. — ректор ЛГИТМиК. Продолжал работу в должности зав. кафедрой общенаучных дисциплин до 1990 г.

⁶ Гозенпуд Абрам Акимович (1908–2004) — литературовед, музыковед, доктор искусствоведения.

<...> сидит человек 20 педагогов этой кафедры, концертмейстеры... — в общем, уровень как раз для Орлова, Гозенпуда... На трибуне Утешев делает доклад. Когда дверь открылась и появился сначала портфель (у Гозенпуда был такой довоенный портфель: сначала появлялся портфель, потом — Гозенпуд. Он как-то так ходил — портфелем вперед). Потом — Генрих <Орлов>. Первые ряды все свободны, народ сидел, конечно, в конце зала. И сектор музыки разместился в первом ряду. Представляете, что было с Утешевым? Мне-то его было жалко. Когда они все вошли, то Утешев, успевший произнести, наверное, два-три предложения «о выдающихся достижениях педагогической науки по музыкальной подготовке актеров», произнес: «Вот и все, что я хотел сегодня сказать. Теперь слово представляется Зинаиде Антоновне Лаурен».

Вышла Лаурен, которая преподавала вокал на кафедре оперетты. В прошлом — замечательная певица. Окрыленная присутствием таких выдающихся деятелей с Исаакиевской, она стала просто приводить примеры, как она <со студентами> поет и — петь. Первым вышел из зала Орлов. Встал очень спокойно, — когда она кончила, ее никто не прерывал. Но, когда вышла вторая такая же окрыленная дама... <...> доктора наук ее тоже выслушали и потом тихо все выбрались из зала. Кроме Раабена, — он был заведующий сектором, ему надо было сохранять лицо...

Как они потом все ругались! А Виктор Евгеньевич хотел, я знаю... хорошего: взбодрить всех.

...Виктор Евгеньевич Гусев был исключительно академического уровня и как ученый, и как администратор. Он знал порядок ведения дела аспиранта, порядок отчетности. Он знал, каким должен быть научный руководитель. Он знал *как*, и требовал с других, иногда перегибал палку, потому что был человек режимом пуганый и очень бумаг боялся. Вот, например, если на какое-то письмо вовремя не ответили, и пришел окрик из министерства, Виктор Евгеньевич приходил в ужас, тут же начинал выяснять причины, писал проекты приказов о вынесении замечаний и выговоров... Но потом, когда дело быстро решалось, он на это реагировал, так сказать, правильно.

Один раз то ли в канцелярии, то ли в научной части какое-то письмо затеряли. И он сказал, что вызывает к себе с объяснениями заведующую канцелярией и секретаря. А эти две очень красивые дамы, очень воспитанные, договорились между собой, зная, что он будет спрашивать, когда одна получила бумаги, когда — другой передала. И Нина Александровна сказала: «Давайте, Елизавета Абрамовна, Вы будете говорить, что отдали мне бумагу *днями*, а я — что получила *на днях*». И вот Гусев спросил: «Елизавета Абрамовна, когда в канцелярию пришла эта бумага, и когда вы передали ее Нине Александровне?» — «Виктор Евгеньевич, это было днями». — «Нина Александровна, попытайтесь вспомнить». — «Вспомнить не могу: на днях». — «Ну хорошо, давайте сначала. Пришла — когда это было?» — «Днями». — «Нина Александровна, когда?» — «На днях».

И вот после некоторой такой перебранки он рассмеялся, поцеловал им ручки и сказал: «Извините меня, старого дурака».

...Виктор Евгеньевич Гусев, тратя огромное время на проректорскую деятельность, на занятия с аспирантами, в то же время продолжал работать как ученый. Как-то однажды он мне сказал: «Вы знаете, со мной какая-то странная история происходит, — иногда вдруг я чувствую, что выскальзывают из памяти отчества тех людей, которых вроде бы и величал раньше». Потом прошло какое-то время, и он говорит: «Какой ужас: я забываю имена!» Я спрашиваю: «А что делать?» Он отвечает: «Я не знаю, что делать, но если я вижу человека, и он идет мне навстречу, и я с ним давно знаком и даже помню его труды, но забыл, как его зовут, то я не мычу. Я называю его тем именем-отчеством, которое, я считаю, ему подходит».

И в связи с этим была одна смешная история.

Когда секретарем научной части института стала Тамара Тимофеевна, новое лицо, — он сначала не мог запомнить, как ее зовут, и величал по-разному. Однажды он вызывает нас и говорит, что он очень недоволен нами как работниками, и что мы должны будем объясниться. Мы приходим к нему в кабинет, он что-то строчит. Говорит: «Присаживайтесь, — он же вежливый был, — присаживайтесь, пожалуйста». И потом объявляет: «Я пишу ректору докладную по поводу того, что не сделан целый ряд вещей, которые по плану уже должны были быть сделаны. И вы за это отвечаете. Но еще один человек кроме вас тоже за это отвечает. Поэтому пока я пишу, я хочу, чтобы все были здесь, попрошу Вас...» — тут он посмотрел на Тамару, и я поняла, что он совершенно забыл, как ее зовут. Но он не растерялся и повторил: «Поэтому я прошу Вас, Глафира Полуектовна, пойти и привести немедленно...» — тут я поняла, что он забыл того третьего человека, которого надо наказать. Была большая пауза, после чего он сказал с достоинством, потому что «вспомнил»: «Привести сюда товарища Крузо»... Когда он произнес «Глафира Полуектовна», Тамара ко мне обернулась и говорит: «К кому это он обращается?» Я отвечаю: «К вам. Меня он помнит, как зовут, — все-таки с ним давно работаю». — «А как он меня назвал?» — «Глафира Полуектовна». А она опять спрашивает: «А кто это Крузо?» Я говорю: «Кто Крузо, я не знаю. Не знаю. Никаких ассоциаций». Я обращаюсь к Гусеву: «Виктор Евгеньевич, можно нам вместе выйти? — Мы быстрее его отыщем» — «Да, пожалуйста». И мы покидаем кабинет.

Я начинаю ломать голову, кто такой Крузо, и думать, за что <В. Е.> нас карает. В чем мы провинились? И понимаю, что дело идет о студенческом научном обществе, за которое — почему-то мы отвечаем <...>. А студенческое научное общество возглавлял аспирант Виктор Яковсон — будущий наш проректор Виктор Петрович Яковсон, ученый секретарь диссертационного совета и замечательный историк театра. Значит, «Яковсон» — «Робинзон» — «Крузо». Пошли за Яковсоном, нашли, привели, — оказалось, в десятку, именно его Гусев и хотел видеть. Виктор Евгеньевич прочитал нам докладную ректору, потребовал, чтобы мы написали объяснительные. Тамара сказала, что писать ничего не будет, потому что работает недавно и вообще даже не знала, что существует у нас научное общество. Мы с Яковсоном расписались, что читали его докладную и с ней согласны, и дальше дело не пошло.

<...>

«Сверху» все время спускались разные «установки» по поводу того, кого следует брать в аспирантуру. То было постановление брать только с базовым образованием, — значит, театроведов, музыковедов. Потом оно сменилось на постановление, что в первую очередь необходимо брать выпускников наших университетов и преимущество отдавать членам партии и мужчинам. На этом иногда строился набор.

Был, например, такой случай с Барановским⁷. Когда он приехал в первый раз — из Одессы — и привез свои документы, то опоздал на один день. Виктор Евгеньевич его не допустил — из-за опоздания. Приехал он на следующий год. В это время как раз вышло постановление: брать с базовым образованием. Он все сдал прекрасно, и его очень хотели взять на сектор кино. Он был журналистом, пишущим и весьма подготовленным. Когда дело дошло до зачисления, то кто-то стал говорить: «Он закончил гидрометеорологический институт. Зачем он нам нужен? У него нет базового образования». И тут, почему-то оказавшийся в комиссии актер Шведерский сказал: «Его надо взять в первую очередь, — *он будет делать нам погоду*». Члены комиссии рассмеялись, и Барановский в аспирантуру поступил.

*Записала Е. В. Хаздан
Санкт-Петербург, июнь 2012 г.*

⁷ Барановский Валерий Николаевич защитил кандидатскую диссертацию в 1976 г. Известный журналист, работал на телевидении.